

Реализация архетипов в контексте мифологического сознания

К началу XXI века ни у кого уже не вызывает сомнения важнейшая роль архетипов в организации человеческой жизнедеятельности. Истина, которую знал архаический человек и которую забыл человек современный, гласит, что мир в человеческом восприятии предстает как глобальная, тотальная система смыслов. Человек даже утилитарные сущности воспринимает в смысловом контексте. Что же заставляет человека воспринимать мир именно таким образом?

Изначально мы имеем в подсознании лишь архетипические сущности (невыразимая идея), матрицу смыслов. Заметим, не сознание творит архетипы и смыслы, сознание лишь способно выразить их в образной форме. Функция нашего сознания – выразить смысл через образ. Сознание помогает привносить архетипы (сущности) в окружающий мир. Не мы выдумываем смыслы, а архетипы привносят смыслы в окружающий мир, мы всего лишь опредмечиваем их с помощью образов и (или) считываем их с подобных образов.

В некотором смысле архетип у Юнга понимается не только как структура, но и как древнейшие, изначальные типы, «испокон веку наличные всеобщие образы» [Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. С. 98]. Мы считаем, что в данном случае архетипы могут пониматься также как квинтэссенция смыслов, смысловые сущности.

Теперь обратимся к мифологии, как наиболее удачному примеру взаимодействия сознательного и подсознательного, где и проявляются архетипы. Сам К.Г. Юнг выделял два наиболее древних и общих архетипа – Круг и Крест. Круг – это пространство, а Крест – символ человека – очень часто вписывался Юнгом в этот круг. Крест, вписанный в круг – это, по мнению учёного, символизировало целостность – как основу любой жизни. Этот же архетип лежит в основе любой мифологической картины мира: будь то сознание охотника, земледельца или кочевника. Основополагающая сюжетная предпосылка любого мифа это человек (человекоподобное существо) помещенный (рождённый) в мир и его путь от смерти к жизни и затем к смерти.

Несмотря на то, что в основе мифологического мышления лежит один и тот же архетип, у охотников, земледельцев и кочевников он облекается в специфические для каждой из групп архетипические образы.

Так в мифологическом мировосприятии первобытного охотника путь с одной стороны воспринимается как совокупность мест-стоянок в окружающей его неизвестности. Такие понятия как верх и низ отсутствуют, охотник о них ничего еще не знает. Поэтому освоение окружающего мира и себя в нём происходит на плоскости. Архетип круга здесь будет проявляться в линии горизонта. Человек, оглядываясь вокруг себя, дабы определить своё местоположение, описывает тем самым круг. Куда бы он ни направился, этот круг всегда будет с ним. Границы человеческого мира, таким образом, передвигаются в месте с ним с одной стоянки на другую. Очередной переезд с места на место определялся потребностью в новых территориях богатых пищей. В мистическом понимании путь охотника заключался во взаимном поедании охотника и первопредка-зверя. Тотемного зверя, как прародителя всего племени, периодически убивали и съедали, дабы через его смерть дать новую жизнь как себе, так и ему. Поглощение человека зверем происходило во время похорон. Погребение человеческого тела землёй, хозяином которой является тотем-зверь и есть задел для новой жизни, тот самый путь от смерти к жизни и следующей смерти. В этом постоянном изменении жизни на смерть и заключается вечность пути охотника.

В мифологической традиции оседлого земледельца путь пространственный видится как постоянное расширение границ своего «двора» - окультуренного мира в пространстве сакральном. Само пространство мира здесь уже подвергнуто чёткой структуре. Есть верх и низ, лево и право, своё и чужое. Границы между двумя мирами очень чётко различимы, но

они позволяют совершать переход. Круг здесь воплотился в крестьянском подворье, его границы и есть границы пространства человека. Четыре угла, а значит – крест вписанные в схему двора – это сам человек. Он одновременно и является этим самым крестьянским двором, расширяющим свои границы восприятия и владения во вне. Путь в мистическом понимании у земледельца, являл собой переход из мира сакрального в мир профанный и наоборот. Способов и мест где можно было пересечь границу миров, было предостаточно. Это и порог дома, и баня, влагалище женщины, особенно во время беременности, а главное это ритуал посева и жатвы. Суть этих мистических верований и ритуалов, в общем, сводилась к одному – к перерождению, обновлению. То есть на лицо опять движение от жизни к смерти, к вечной жизни.

Что касается мифологического мировосприятия кочевников-скотоводов, то здесь можно говорить о некотором синтезе двух выше описанных традиций. Мир культуры кочевника точно такой же нестационарный, как и у охотника. В то же самое время у кочевников явно выделены границы разделяющие мир инобытия от мира профанного, обыденного, повседневного. Можно даже сказать, что оба эти мира кочуют, подобно самим скотоводам. Траектория движения кочующих двух миров являет собой восьмёрку. Восьмерка – два круга (об этом архетипе мы говорили выше), а соединяются они в некоей пространственно-временной двери, проходе. Взаимопроникновение мира сакрального и мира профанного происходит именно в этой точке. Пространственные круги двигаются ритмично то, накладываясь друг на друга, то расходясь. Смена дня и ночи, времен года, непосредственное передвижение от одной стоянки на другую есть не только реальное движение, но и ритуал, движение мистическое, сакральное действие.